

туры» рядом с именами современников – Грибоедова или Пушкина – его имя меркнет, он мало изучен, силен в мелочах, и творческие достижения его малозаметны. Он, как основание айсберга, почти не виден, но в числе многих держит вершину. 1820-е годы были временем целостности и временем цельных людей, которые заметно проигрывали своим потомкам в значимости того, что ими было предметно выражено в произведениях и памятниках, но без их участия дальнейшего взлета русской культуры не случилось бы. Именно в это время в России появилось поколение дворян, которые были достаточно образованы по европейским меркам, пламенно любили свое отечество, служили ему на гражданской или военной службе и в то же время были не чужды ученым досугам и занятиям литературой и искусством. Они еще не были разочарованы жизнью, они жили ярко, полноценно, ощущая жизнь как бурный поток со всеми его взлетами и падениями, иногда, подобно Писареву, загоревшись очень ярко, оставив после своей смерти много надежд и неосуществленных планов.

Литература

Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания / С.Т.Аксаков // Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 3-х т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 435-495.

Немировская И.Д. Творчество А.И. Писарева и историко-литературный процесс первой трети XIX века: Монография / И.Д.Немировская. – Самара: ПГСГА, 2009. – 188 с.

Одоевский В.Ф. Письмо к А.Н.Верстовскому от 20 января 1828 г. [вероятнее, после марта 1828 г. – времени смерти Писарева – И.Н.]. Автогр. – РО ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. – Ф. 53 (А.Н. Верстовского.). Ед.хр.275. Л.2.

Писарев А.И. О нравственных качествах Поэта. Рассуждение из книги красноречия, сочиненное воспитанником Университетского Пансиона Александром Писаревым / А.И.Писарев. – М.: Университетская типография, 1821. – 24 с.

А.Э. Скворцов

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Две сатиры на литературные нравы (Василий Петров и Петр Вяземский)

Основной предмет статьи – сравнение двух стихотворений, созданных русскими поэтами: послание «К... из Лондона» (1772) В.П.Петрова (1736-1799) и «Литературная исповедь» (около 1854) П.А.Вяземского (1792-1878). Но прежде чем непосредственно обратиться к этим текстам,

необходимо дать экскурс в историю отношения к их авторам в русской литературной традиции.

Темы места Петрова и Вяземского в литературном ряду, общих принципов их поэтики и влияния авторов на последующую традицию требуют широких филологических исследований. В рамках данной работы решается частная задача по выявлению внутренних связей двух конкретных текстов, ранее не сопоставлявшихся. Тем не менее, этот отдельный случай позволяет выйти на проблемы более высокого порядка.

Поиск историко-культурных параллелей различных эпох поддерживается тем, что в фигурах Петрова и Вяземского есть нечто общее. Во-первых, связывать их правомерно по соображениям литературной генетики: поэзия второго отчасти наследует первому. Во-вторых, существует сходство литературных биографий авторов, особенно в состоянии *post mortem* – то есть того, как и почему их творчество воспринималось читателями на протяжении довольно долгого времени. Формулируя кратко, можно утверждать, что Петров и Вяземский – выдающиеся поэты, неадекватно воспринятые современниками, полузабытые потомками и до сих пор не получившие общепризнанной оценки в отечественной литературе. Их сочинения полностью не изданы и должным образом не изучены, а их место в историко-литературном ряду зачастую незаслуженно умаляется. Соответственно, на протяжении почти двух веков не сложился последовательный и объективный подход к их поэзии.

Драматические истории эволюции взглядов читателей и филологов на Петрова и Вяземского – темы обширные. Обозначим только те этапы таких изменений и современное состояние соответствующих проблем, которые относятся к теме статьи.

Жёстко идеологизированный (и крайне несправедливый эстетически) взгляд на Петрова как на «карманного поэта» Екатерины, сервильного придворного одописца, высказанный ещё Н.И.Новиковым, нашел наиболее заметное воплощение в статьях В.Г.Белинского [Новиков 1772:162-163, Белинский 1948:188]. Несмотря на отдельные публикации критиков [Аноним 1813] и комплиментарные высказывания ведущих литераторов XVIII-XIX (Г.Державин, И.Дмитриев, В.Жуковский, П.Вяземский, А.Пушкин, Н.Гоголь), предвзятое и неблагоприятное мнение о Петрове [Шляпкин 1897] укоренилось в отечественной литературной культуре вплоть до 1920-х годов и порой даёт о себе знать в наши дни [Альтшуллер 2014:85-88].

Положение стало крайне медленно меняться только с возникновением пионерских трудов Г.А.Гуковского о русской литературе XVIII века. Однако уже после появления работ современных исследователей [Ко-

четкова 1972, Алексеева 2005:275-308], а также требующих отдельного упоминания статей М.А.Амелина [Амелин 2001, 2011, 2017], где фактически впервые в русской традиции представлена обоснованная апология Петрова-поэта, значение этой фигуры для русской словесности до сих пор не прояснено (более подробно о рецепции Петрова в отечественной культуре см.: [Скворцов 2017]).

По сложившимся обстоятельствам нет и сколь-нибудь связных исследований влияния Петрова на последующую поэзию. Имеются отдельные наблюдения об ориентации Державина на опыт предшественника [Шапир и Пильщиков 2009:228-229] и классические работы, где в той или иной степени анализируется «петровский пласт» у Пушкина [Пумпянский 1939, Гуковский 1947]. Проблема влияния Петрова на последующих авторов *в целом* не ставилась.

Похожая ситуация в литературном сообществе складывается и с восприятием Вяземского. Роковым образом на формирование его литературной биографии оказали воздействие три обстоятельства: близкое знакомство с Пушкиным и его кругом, общественно-политические и историко-культурные взгляды князя, а также продолжительность его жизни.

Печать «друга Пушкина», разумеется, полностью заслуженная, привела к тому, что и в начале творческой деятельности, и в значительной степени позже, Вяземским сплошь и рядом интересовались только в связи с его младшим современником и на его фоне [Розанов 1915, Бицилли 1939, Семенко 1970, Соколова 1975, Фридендер 1983, Ивинский 1994]. Симптоматичен факт: Ю.М.Лотман, рассуждая об идейной и стилистической оригинальности поэта, озаглавил статью о нём «Аутсайдер пушкинской эпохи»: «Принципиальная позиция Вяземского заключалась в том, чтобы быть «либералом среди реакционеров», «реакционером среди либералов», всегда аутсайдером, всегда выразителем «*другого мнения*» [Лотман 1996:509 – курсив авт.]. По контрасту уместно привести характерное высказывание специалиста, искренно стремящегося в советское время обеспечить своему подопечному благоприятное отношение научного сообщества и рядовых читателей: «Хотя Вяземский на четыре десятилетия пережил Пушкина, однако в историю русской общественной мысли он вошел в первую очередь как литературный критик пушкинской эпохи, а в историю русской поэзии – как поэт пушкинского круга» [Гиллельсон 1969:6].

Лотман сформулировал позицию Вяземского интригующе сложно. Обычно же на протяжении XX века поэт изображался экзотическим

представителем «истории русской общественной мысли», исследователем в малой степени интересовал собственно его *художественный* вклад в литературу. Исключение составляет работа Л.В.Дерюгиной [Дерюгина 1984], где рассматриваются его эстетические и литературно-критические взгляды (отклик см.: [Проскурин 1986]. Из неё можно почерпнуть сведения о том, как Вяземский относился к чужому творчеству. Вместе с тем, его индивидуальная поэтическая эстетика во многом остаётся непрояснённой. Не закрывает вопроса и диссертация А.Р.Боковни, где предлагается связный взгляд на поэзию автора, но лишь под углом зрения проблемы литературной рефлексии [Боковня 2008], безусловно, важной для поэта, однако далеко не исчерпывающей его художественный арсенал.

По своим аристократическим социокультурным убеждениям Вяземский уже с 1830-х не вписывался в контекст времени, а со второй половины XIX века вплоть до кончины, несмотря на всю свою активность в печати, воспринимался новыми поколениями литераторов и читателей как глубоко архаичный обломок прежних эпох.

Наконец, необычное долголетие Вяземского, которым он и сам заметно тяготился в последние десятилетия жизни, также приводило к естественной размолвке меж ним и окружающей его современностью, глубоко чуждой ему не только многими общественными проявлениями, но и в первую очередь культурно.

Такой неблагоприятный для автора бэкграунд серьёзно повлиял и на некоторую заторможенность его восприятия исследователями, особенно в советское время. Есть нечто символичное в том, что Вяземского филологи начали более или менее систематично изучать одновременно с Петровым: первопроходцем здесь выступила Л.Я.Гинзбург, ученица Г.А.Гуковского [Гинзбург 1936 и итоговая работа Гинзбург 1986]. Формально Вяземскому повезло больше, чем Петрову: о его жизни и творчестве ныне составился не только внушительный ряд отдельных статей [см., например, Некрасова 1986, Зорин 1988, Митрофанова 2007], но и монографии, с уклоном преимущественно в биографизм [Вытженс 1961, Гиллельсон 1969, Перельмутер 1993, Бондаренко 2004, Юферев 2008]. Однако до настоящего времени нет не только академически полного собрания сочинений князя, но и не существуют работы, где бы обозрелись и классифицировались труды о нём, и на широком историко-культурном материале внятно рассматривалось всё его поэтическое творчество. Когда автор такого масштаба, как Вяземский, не удостоивается подробного исследования *поэтики* – того главного, что составляет предмет литературоведения, – это свидетельство назревших серьёзных системных про-

блем в отечественной филологии и в литературной культуре вообще. «В России так много великих поэтов, что ими можно даже разбрасываться, их можно не печатать десятилетиями, а то и веками» [Амелин 2016:5]. Поэтому отнюдь не случайно после всех упомянутых штудий сравнительно недавняя научно-популярная статья о Вяземском названа «Забытый поэт» [Семёнова 2009, 2009б].

Тема влияния Петрова на Вяземского, насколько можно судить, не поднималась. Так, в статье, посвящённой прямому воздействию литературы XVIII века на поэта, имя Петрова отсутствует [Вытженс 1966]. Это тем более странно, что Вяземский на протяжении долгих лет неоднократно и преимущественно уважительно упоминал Петрова в книге «Фон-Визин», в «Старой записной книжке», статьях и письмах. Известно, что он читал и перечитывал старшего коллегу внимательно и сочувственно [Вяземский 1869:650, Вяземский 2003:532]. Поэтому представляется естественным начать изучение воздействия Петрова на поэзию Вяземского.

М.И. Гиллельсон в своё время подчеркнул видимое противоречие в отношении Вяземского к литературе XVIII века: «А.Д. Галахов справедливо подметил, что ниспровержение литературных авторитетов, столь ясно проявившееся у Белинского и других критиков 1840-х годов, было начато в статьях самого Вяземского: он высказал немало горьких истин писателям XVIII в. Эти суждения Вяземского пришли в противоречие с его позднейшими взглядами на литературу» [Гиллельсон 1969:318].

На наш взгляд, парадокса здесь нет: критика частных не исключает общего уважительного отношения к предмету. А ориентация Вяземского на литературу и культуру XVIII века – факт неоспоримый и им самим глубоко осознанный. Ещё в молодости он создаёт металитературное стихотворение «Библиотека» (из цикла «<Деревня. Отрывки>», между 1821 и 1826), где «даёт присягу на верность» ушедшей эпохе:

Пусть чернь блестящая у праздности в объятях
О ваших именах, заслугах и занятиях,
Толкует наобум и в адрес-календарь
Заглядывать должна, чтобы справиться, кто встарь
Был пламенный Петров, порывистый и сжатый,
Иль юной Душеньки певец замысловатый.
Утештесь! Не вотще в виду родной земли
Вы звезды ясные в окрестной тьме зажгли.

[Вяземский 1986:190]

А вот его критическое высказывание 1847 года, где из поэтов XVIII века имя Петрова стоит после Ломоносова и перед Державиным: «В сих именах сосредотачивается отличительное выражение поэзии русской; это ее краеугольные заглавные, родоначальные имена» [Вяземский 1984:163].

При жизни Петров был известен в первую очередь как одописец. Воздействие петровских од на поэтику Вяземского отрицать нельзя, но обнаружить непосредственные следы такого влияния сложно. Иначе обстоит дело с сатирами Петрова, стилистически резко отличающимися от его од. Если одический Петров ориентируется на пиндарическую традицию, то Петров-сатирик творит более или менее в рамках бурлеска. При этом не столь густые, но резкие языковые контрасты поэт допускал с первых же своих опубликованных опытов.

Рассуждая о природе русского бурлеска, И.А.Пильщиков и М.И.Шапир отметили: «Пародия барковского типа зиждется не на преувеличении отдельных признаков своего оригинала, а на однотипном нарушении его норм – так бок о бок с гомогенными стилями зарождается гетерогенный. Поначалу он был лишен прав литературного существования, но уже очень скоро, в 1760-1770-е годы, стало набирать силу обратное воздействие обцененной словесности на официальную (...).

В этом плане естественной и вполне объяснимой была восприимчивость низких, комических жанров, легко усвоивших многие черты барковской стилистики (...). Намного неожиданней стилевая гетерогенность в высоких жанрах: даже робкие попытки интерференции стилей у Петрова (трудно сказать, насколько осознанные и целенаправленные) вызвали стойкое отторжение у адептов сумароковской школы. (...) Стилистическая реформа, первый шаг к которой сделал Петров, свершилась в творчестве Державина (...)» [Пильщиков, Шапир 2009:228-229].

Возьмём на себя смелость утверждать, что отмеченная интерференция стилей была для Петрова не случайной, а концептуально осознанной – для случайности она слишком часто и системно возникает в его творчестве, причём как в оригинальных стихах, так и в переводах.

Именно опыт стилистической гетерогенности, берущей начало в бурлеске, и был преимущественно востребован Вяземским у Петрова. При этом у предшественника столь яркая краска наиболее отчётливо использовалась в сатирах, а поэт XIX века широко пользовался ею в стихах практически любой жанровой принадлежности. Но если стихи Петрова и Вяземского зачастую близки особенностями контрастной словесной ткани, то природа стилевых перепадов у них различна.

Петрова занимали в первую очередь проблемы собственно эстетические (языковые, жанровые, композиционные и т.д.), тогда как для Вяземского внешняя лингвистическая дисгармония уже была следствием свободы содержательной. Его знаменитое авторефлексивное высказывание о поэтике выглядит так: «Странное дело: очень люблю и высоко ценю певучесть чужих стихов, а сам в стихах своих нисколько не гонюся за этой певучестью. Никогда не пожертвую звуку мыслью моею. (...) В стихах моих я нередко умствую и умничаю. Между тем полагаю, что если есть и должна быть поэзия звуков и красок, то может быть и поэзия мысли» [Вяземский 1878:41-42].

Далее речь идёт о технике создания стихов – по утверждению князя, они зачастую рождались у него не за письменным столом, а в результате живой импровизации: «Я никогда не пишу стихов моих, а сказываю их про себя в прогулках моих; это не вполне импровизация, а что-то подобное тому, импровизация с урывками, с остановками. В этой пассивной стихотворческой гимнастике бывают промахи и неправильные движения. После выпрямлю их, говорю себе, – и иду далее. А когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бывает уже поздно; поправить, выпрямить не удастся: поправить лень, да и жар простыл. Мало заботясь о них, отпускаю стихи мои на Божий свет, как родились они, со своими хорошими приметам, если таковые есть, со своими калечностями, когда таковые окажутся. (...) Не продаю товара лицом» [Вяземский 1878:42-43]. Иными словами, мысль диктует средства выразительности, а не наоборот (на практике у него иногда могло быть и иначе, но общий творческий принцип поэта именно таков).

Приведённые строки впервые опубликованы в предисловии к собранию сочинений. Тем примечательнее, что оборот «товар лицом» – не только обычное употребление фразеологизма, но и прямая полемическая отсылка к лондонскому посланию Петрова, которое заканчивается так:

Купцы товар лицом, не горлом продают,
И только лишь в набат, коль нездорово, бьют.

[Петров 2016:272]

Следует подчеркнуть, что ещё за четверть века до выхода упомянутого предисловия поэт упомянул петровскую реминисценцию в «Исповеди» (см. ниже).

В работе Вытженса читаем: «Интерес П.А.Вяземского к русской литературе XVIII в. оставался живым вплоть до последних дней жизни: по-

следняя его заметка, набросанная дрожащим уже почерком на смертном одре, относится именно к Державину и Хемницеру» [Вытженс 1966:333]. Данная выше отсылка говорит о том, что и Петров не был забыт Вяземским, присутствуя в его творческом сознании и в годы зрелости, и в глубокой старости как значимый автор XVIII века.

Помимо общестилистической ориентации на предшественника Вяземский явно учитывал и его рифменный опыт. Петров активно использовал редкие, омонимичные и каламбурно-игровые сочетания, заметно отличаясь этим от других поэтов своей эпохи. Употребление подобного приёма в стихах различного содержания и воплощающих разные эмоциональные состояния довольно отчётливо прослеживается и на протяжении всего творчества Вяземского. В.Ф.Марков, первый прозорливо причисливший автора к «русским цитатным поэтам», особо отметил: «(...) не стоит представлять себе Вяземского таким обломком. Он гораздо интереснее в старости – и тематически, и формально – чем в молодые, «прогрессивные» годы. Достаточно указать на его рифму (составную, каламбурную, богатую), предвосхищающую кое в чём русский футуризм» [Марков 1994:231]. Но если Вяземский в этом опирался на опыт предшественника, то получается, что рифменные корни русского футуризма, Маяковского и Хлебникова в первую очередь, восходят как минимум к Петрову (и фольклору). Фактически приём броской рифмы у Вяземского тоже «цитатен», – не случайно он называл рифмы Петрова «жирными», то есть исключительно богатыми [Вяземский 1869:650].

Обратимся теперь к самим заявленным текстам. Жанр стихотворения Петрова, казалось бы, не подлежит обсуждению: стихотворная эпистола, отправленная им Екатерине II из Лондона, где он в то время находился по государственным делам. Тем не менее, эта автоаттестация лукава. Перед нами жанровая «матрёшка»: под посланием обнаруживается едкая сатира на злободневную литературную и культурную тему, а за сатирой скрывается ещё, как минимум, один жанр (о нём см. ниже).

Из текста самого послания следует, что непосредственным толчком к созданию сочинения в 218 строк послужило знакомство Петрова с присланной ему из России интеллектуальной новинкой – «Опытom исторического словаря о российских писателях...», созданным Н.И.Новиковым (1772). Уже для первых читателей было очевидно, что подобное уникальное на тот момент издание вовсе не является беспристрастным и бесстрастным словарём. «Опыт...» стал мощным аргументом в идеологической, социально-политической и культурной борьбе, ведшийся в среде тогдашней отечественной элиты, и Новиков выступал в ней на стороне

«демократов». Составляя словарь, Новиков не только механически собирал сведения о литераторах, но и вполне определённым, можно сказать, сознательно тенденциозным образом, отбирал и сами имена, и сведения о них, и – что было, пожалуй, наиболее важным, – выдавал каждому оценки, скорее идейные, нежели эстетические.

Петров же, несмотря на своё неаристократическое происхождение, напротив, принадлежал к убеждённым «антидемократам» и входил в ближайший круг императрицы, часто становясь её конфидентом. Именно поэтому он не мог не воспринять книгу Новикова как вызов – и лично себе, и монархии.

Стремление реконструировать психологию и особенно эмоции людей отдалённых от нас эпох, руководствуясь одними письменными источниками, – занятие с точки зрения доказательности рискованное, однако небесполезное, и, как показывает развитие гуманитарных наук, всё более привлекающее внимание филологов [Зорин 2016]. В русле данной тенденции можно выдвинуть гипотезу возникновения творческого импульса послания Петрова.

Факт сильнейшего раздражения поэта словарём Новикова сомнению не подлежит, он очевиден и со всей открытостью и полнотой представлен в стихотворении. Однако вполне возможно, полемическое чувство поэта вспыхнуло не столько от знакомства со словарём как таковым и даже не при чтении двухстраничной иронической заметки про себя, а в тот момент, когда он обнаружил, что в «Опыте...» статья о нём явно не без умысла помещена между двумя другими краткими упоминаниями о неких также Василиях Петровых, чей вклад в изящную словесность минимален [Новиков 1772:162-163]. Таким образом, он представлялся даже не последователем-подражателем Ломоносова (это бы ещё можно было стерпеть), а всего лишь одним из безликих ивановых, петровых, сидоровых... Разумеется, стрела хитроумного зоила попала в цель, и подобного унижения поэт своему культурному супостату спустить не мог.

То, что трое новиковских «Василиев Петровых» глубоко уязвили библиотекаря императрицы, отразилось в одном из центральных мотивов произведения. Согласно Петрову подобный био- и библиографический словарь не имеет ни смысла, ни ценности, поскольку в нём по алфавиту, но без эстетического разбора представлены все подряд – и великие, и метроманы, и знаменитости, и ничтожества:

Коль верить словарю, то сколько есть дворов,
Столь много на Руси великих авторов;

Там подлый наряду с писцом стоит алырщик,
Игумен тут с клюкой, тут с мацами батырщик;
Здесь дьякон с ладаном, там пономарь с кутьей;
С баклагой сбитенщик и водолив с бадьей;
А всё-то авторы, всё мужи имениты,
Да были до сих пор оплошностью забыты.

[Петров 2016:271]

Другой важный мотив «К...» был подчеркнута личным. Петров открывает сочинение броским сравнением литераторов с воинственными монархами и утверждает, что полемический задор свойствен пишущей братии по природе:

Монархи меж собой нередко брань творят,
Военным духом все писатели горят;
Коль так, пииты суть те власти остроумны,
Что для таких же вин войны заводят шумны;
Впоследствии о царях дают потомки суд,
Ту ж с ними честь певцы и жеребий несут.

[Петров 2016:267]

Это очевидный камень в огород Новикова: Петров символически уравнивает подлинных поэтов с царствующими особами – одни управляют государствами, другие властвуют над словом, но власть и тех, и других, относясь к разным сферам человеческой деятельности, органична и незыблема. Конечно, здесь подразумевается и уравнивание лично его, поэта, с государыней императрицей: каждый из них – царствующая особа, причём Петров царит в мире искусства, который неподвержен материальным потрясениям и тлению. И хотя пиит далее с притворной скромностью пишет о невозможности предугадать, кто из авторов войдёт в вечность, а кто будет предан забвению, нет сомнений в его высокой самооценке.

Классическим ориентиром для Петрова послужило послание «К Пиизонам» Квинта Горация Флакка, более известное в европейской литературе как «Наука поэзии» (ок. 10 г. до н.э.). Значительная часть его посвящена внутрицеховым проблемам, в том числе содержит инвективу против неискusstvenных авторов – упоминанием их корявых поделок римский поэт и открывает свой опус:

Если художник решит приписать к голове человеческой
Шею коня, а потом облечет в разноцветные перья
Тело, которое он соберет по куску отовсюду –
Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы, –
Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха?

[Гораций 1970:383, пер. М.Л.Гаспарова]

Петров, однако, наследует Горацию, а не подражает ему. Его послание так же, как и у квириита, имеет большой объём и прихотливую композиционную структуру, но прямых заимствований из «Науки поэзии» в нём нет. Русский поэт вполне оригинален – и с первой же строки сочинения вплетает в ткань повествования ещё один мотив, изошрённо развиваемый на протяжении всего текста. Это мотив литературной борьбы как войны. Поэт, таким образом, не только государь, но и великий полководец. Впрочем, как остроумно даёт понять автор, в отличие от настоящих воителей литераторы – бойцы бумажные, и битвы их в сравнении с подлинными комически-потешны, что, впрочем, не мешает самим поэтам относиться к ним более чем серьёзно, ведь пря идёт за эстетическую истину.

Педалирование милитаристской тематики указывает на ещё один существенный жанровый пласт «Послания...» – батальную оду. Если учесть, что к началу 1770-х Петров сам был признанным создателем словесных батальных полотен, как подобает, героических по тону и содержанию («На взятие Хотина», 1769, «На взятие Ясс», 1769, «На победу российского флота над турецким», 1770 и др.), то раскроется неожиданный смысловой оттенок сочинения: помимо всего прочего, это ещё и *автопародия* на собственные «высокие» стилистику и тематику. Не будь Петров великим поэтом, он не уравнивал бы в пределах одного произведения почти фельетонный выпад против идейного врага умной и забавной самокритикой. (Кажется, ещё не отмечалось, что отзвуком иронического петровского сопоставления поэта с царём-полководцем является такой же бурлескный по генетике фрагмент «Домика в Коломне», строфы III-V. Ср.: «А стихотворец... с кем же равен он? / Он Тамерлан иль сам Наполеон» [Пушкин 1977:234-235]).

Обратимся теперь к «Литературной исповеди». В качестве размера для неё Вяземский также избрал александрийский стих. Если во времена Петрова александриец для эпистол был едва ли не безальтернативен, то к середине XIX века положение изменилось радикально: размер вышел из широкого употребления. Таким образом, выбор вполне определённой стиховой формы в данном случае был для Вяземского шагом принципиальным.

Во-первых, то был его излюбленный размер, которым он неоднократно писал с 1810-х и за год до «Исповеди» даже посвятил ему отдельное стихотворение, «Александрийский стих», где столь же исключительно сильно петровское стилистическое влияние – в лексике, рифме, гиперболических сравнениях и метафорах (кроме того, Петров в этом тексте прямо упоминается):

Я, признаюсь, люблю мой стих александрийский,
Ложится хорошо в него язык российский,
Глагол наш великан плечистый и с брюшком,
Неповоротливый, тяжелый на подъем,
И руки что шесты, и ноги что ходули,
В телодвижениях неловкий. На ходу ли
Пядь полновесную как в землю вдавит он,
Подумаешь, что тут прохаживался слон.
А если пропустить слона иль бегемота,
То настезь растворяй широкие ворота,
В калитку не пройдет: *не дозволяет чин.*

[Вяземский 1986:306 – курсив авт.]

Во-вторых, александрийский стих во второй половине XIX века – это «архаика», а, значит, сознательный вызов тогдашнему художественному вкусу. В-третьих, александрийцем написано множество сатир и комических сочинений авторами, хорошо известными Вяземскому (среди них Д.Горчаков, Д.Фонвизин, А.Шаховской, С.Марин, И.Дмитриев, И.Долгоруков, В.Пушкин и др.). Наконец, «Исповедь» опирается на конкретный текст Петрова, и, следовательно, сохранение размера предшественника – формальная цитата (Вяземский почти полностью выдержал и объём источника, у него получилось 200 строк).

Обнаружить прямые переклички двух текстов не составляет труда: достаточно расположить их параллельно – и сходства начнут бросаться в глаза. Приведём два красноречивых фрагмента (наиболее существенные реминисценции из Петрова отмечены курсивом):

«К... из Лондона»	«Литературная исповедь»
<p>Коль верить словарю, то сколько есть дворов, Столь много на Руси великих авторов; Там подлый наряду с писцом стоит алырщик, Игумен тут с клокой, тут с мацами батырщик; Здесь дьякон с ладаном, там пономарь с кутьей; С баклагой сбитенщик и водолив с бадьей; <i>А всё-то авторы, всё мужи имениты,</i> Да были до сих пор оплошностью забыты (...) <i>Прямой стихов творец и тайнственник муз</i> <i>Есть тот, что в жизнь блюдет с добротами</i> <i>союз,</i> <i>Из сердца истины в других сердца преносит</i> <i>И никого, чтоб чел стихи его, не просит.</i> Свет знает и без нас, полезно что ему, Где сердце жидется, где пища есть уму; Пчела не чересчур вьетса круг навоза, Любимы ей места – нарцисс, пион иль роза. <i>Купцы товар лицом, не горлом продают,</i> И только лишь в набат, коль нездорово, бьют.</p>	<p>Там причет критиков, пророков и жрецов Каких-то – невдомек – сороковых годов, Родоначальников литературной черни, Которая везде, всплывая в час вечерний, Когда светилу дня вослед потьма сойдет, Себя дает нам знать из плесени болот. Так далее! Их всех и в стих мой не упрячу. Кто под руку попал, тех внес я наудачу. <i>Вот вам и публика, вот ваше большинство.</i> От них опала вам, от них и торжество. <i>Всё люди с голосом, всё рать передовая,</i> Которая кричит, безгласных увлекая; <i>Всё люди на счету, всё общества краса.</i> В один повальный гул их слившись голоса, Сльвут между людьми судом и общим мнением. Пред ними рад пребывать я с истинным почтеньем, Но все ж, когда пишу, скажите, неужель В Бобчинском, например, иметь себе мне цель? (...) <i>Писателю грешно идти в гостинодворцы</i> <i>И продавать лицом товар свой! Стихотворцы,</i> <i>Прозаики должны не беать за толтой!</i></p>

Выявляя сходство текстов, необходимо отметить жанровое и смысловое различие этих произведений. Вяземский не следует рабски за предшественником и оказывается неуступчиво своеобразен даже в мелочах. У Петрова «купцы товар лицом... продают», то есть творения поэтов говорят сами за себя, у Вяземского мысль радикальней, поэты – не «гостинодворцы», к ним вообще неуместно применять торговые понятия: буквально один и тот же оборот у авторов осмыслен по-разному.

Поэт XIX века также упоминает современных ему классификаторов, идейных наследников «демократа» Новикова, и его отношение к ним сродни петровскому – это тяжёлый сарказм:

Сознаться должен я, что наши хрестоматы
Насчёт моих стихов не очень тороваты.
Бывал и я в чести; но ныне век другой:
Наш век был детский век, а этот – деловой.
Но что ни говори, а Плаксин..././Downloads/Что – cite_note-1 и Галахов,
Браковщики живых и судьи славных прахов,
С оглядкою меня выводят напоказ,
Не расточая мне своих хвалебных фраз.
Не мне о том судить. А может быть, и правы

Они. Быть может, я не дослужился славы
(Как самолюбие моё ни тарабарь)
Попасть в капитул их и в адрес-календарь,
В разряд больших чинов и в круг чернильной знати,
Пониже уголок – и тот мне очень кстати;
Лагарпам наших дней, светилам наших школ
Обязан уступить мой личный произвол.

[Вяземский 1986:330-331]

В то же время бóльшая часть «Литературной исповеди» посвящена не нападкам на противников и не разоблачению эрзацев, а самопознанию и ограничению собственного места в русской литературе. Согласно военной терминологии, Петров идёт в наступление, а Вяземский уходит в глухую оборону. Поэтому в жанровом отношении его сочинение устроено также небанально, – помимо заявленной исповедальности оно совмещает в себе признаки сатиры, инвективы и элегии. Что касается следа батальной оды, то Вяземский в некоторой степени уделяет внимание теме литературных войн (в его тексте содержится прямая отсылка к начальным строкам стихотворения Петрова, где вводится параллель «монархивоиители/литераторы»), но по сравнению с лондонским посланием поэт XIX века ретроспективен и меланхоличен, все сшибки с литературными противниками остались для него в прошлом. Особенно далёк от него эмоциональный фон таких баталий – он получает умозрительное удовольствие уже не от самой полемики, а от воспоминания о ней:

Журнальных схваток пыл, тревог журнальных шум,
Как хмелем, подстрекал заносчивый мой ум.
В журнальный цирк не раз, задорный литератор,
На драку выходил, как древний гладиатор.
Я русский человек, я отрасль тех бояр,
Которых удалство питало бойкий жар;
Любил я – как сказал певец финляндки Эды –
Кулачные бои, как их любили деды.
В преданиях живет кулачных битв пора;
Боярин-богатырь, оставив блеск двора
И сняв с себя узду приличий и условий,
Кидался сгоряча, почуя запах крови,
В народную толпу, чтоб испытать в бою
Свой жилистый кулак, и мощь, и прыть свою.

[Вяземский 1986:331]

В финале стихотворения автор и вовсе сводит на нет военный мотив, отказываясь от позиции брутального предводителя:

В литературе я был вольным казаком, –
Талант, ленивый раб, не приращал трудом,
Писал, когда писать в душе слышна потреба,
Не силясь звёзд хватать ни с полу и ни с неба,
И не давал себя расколам в кабалу,
И сам не корчил я вождя в своём углу...

[Вяземский 1986:335]

Образ «вольного казака» – реминисценция из эпиграммы Дениса Давыдова «Ответ» (1830):

Я не поэт, я – партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.

[Давыдов 1984:100]

Вяземский верен себе. Стихи коллеги припомнились ему к месту, но обращается он с их образностью по собственному усмотрению. Отсылка естественно развивает мотив литературной борьбы: Давыдов действительно в первую очередь военный и только потом талантливый поэт-дилетант. Но если «партизан, казак» для гусара прочитываются буквально, то образ князя условен, символичен и сугубо *литературен*.

Главным критерием оценки художественных достоинств стихов у Вяземского выступает не мнение современных автору «Бобчинских» и «графов Нулиных», а его собственный твёрдый вкус – но также вкус единичных уважаемых им творцов, будь то герои прошлого, как Петров и Державин, или те, с кем его сводила судьба. Жуковский, Батюшков, Боратынский, Пушкин остаются его мысленными собеседниками и доброжелательными критиками и после их ухода из жизни. Однако эстафета передачи знаний, которыми в искусстве обладают лишь избранные, не прерывается:

И я желал себе читателей немногих,
И я искал судей сочувственных и строгих;

Пять-шесть их назову – достаточно с меня,
Вот мой ареопаг, вот публика моя.

[Вяземский 1986:334]

Подведём итоги. Послание «К... из Лондона» обращено к императрице и дошло до адресата, «Литературная исповедь» обращена к самому себе и осталась формально незавершённой. Тем не менее, между текстами есть сходство в обращении к предполагаемой аудитории: в обоих случаях она крайне мала – узкий круг из самых близких поэтам друзей и читателей.

И поэт XVIII века, и его младший современник в своих стихах отстаивают идеи самоценности искусства и его полной открытости лишь избранным. Петров не оставил литературно-критических статей и манифестов (во всяком случае, они неизвестны), но в трудах Вяземского теоретические и эстетические суждения рассыпаны в изобилии. В созданной за два года до смерти «Приписке к статье «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева»» (1876) он с замечательной смелостью противопоставляет вкус избранных вкусу «черни» – фактически предвзято злободневную для новейшей культуры проблему маскульта: «Знаем, что в наше время многие мало дорожат *художественностью*: это не *реальность*, не вещественная ценность, а умозрительная, условная, это остаток суеверия прежних времен и поколений. Ему нет места в новом порядке вещей. Оно, пожалуй, и так для большинства. Но есть и меньшинство; надобно и о нем подумать и не приносить его беспощадно в жертву силе и числу. Эти немногие, это избранное меньшинство держатся ещё вечных законов искусства и изящных образцов, дошедших до нас наследством от изящной древности. Эти немногие не верят, чтобы это бессмертие достойно и победоносно могло быть заменено новым, свежим бессмертием, новою, свежеею истиною, только вчера выпрыгнувшею из головы каких-то доморощенных Юпитеров» [Вяземский 1984:362 – курсив авт.].

На момент создания «К... из Лондона» Петрову было тридцать шесть лет. Вяземский взялся за «Литературную исповедь» будучи значительно старше, в возрасте шестидесяти двух лет. Первый, переживающий годы расцвета поэтического мастерства, воплотил в своей сатире бодрый дух зрелости и смело глядел вперёд. Второй во многом подводил итог своей поэтической деятельности – не мог же он в тот момент предположить, что судьба дарует ему ещё более двух десятков лет жизни, наполненных в том числе и творчеством. Вполне естественно, сочинения авторов окра-

шены в разные эмоциональные тона. Петров победителен, наигранно гневлив и насмешлив, и нигде не обращается к читателю от себя лично, но вещает от лица беспристрастной истины. Вяземский при всём обилии комических оборотов, образов и картин склоняется к элегии и отчасти даже мартирологу, ведя именно *исповедальный* монолог, подавая общезначимые мысли как глубоко личное, выстраданное высказывание.

Тем не менее, в определённом смысле оба стихотворения по идее, форме и стилю представляют собой две части единого целого, а их авторы, жившие в разные литературные и исторические эпохи, в континууме этого условного текста сливаются в общую фигуру Поэта. Их взгляды на искусство сущностно близки, они убеждены в необходимости аристократического отношения к поэзии и демонстративно отстраняются от «литературной черни». Единственно важное смысловое различие произведений историко-культурного свойства: автор послания «К... из Лондона» наблюдал начало восстания литературных масс и мог себе позволить отзываться о нём снисходительно-иронически, тогда как автор «Литературной исповеди» уже находился внутри тягостного процесса и старался защититься от чуждого ему окружения при помощи сатирического бича.

Литература

Акульшин П.В. П.А.Вяземский: власть и общество в дореформенной России. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 238 с.

Альтшуллер М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2014. – 616 с., ил.

Алексеева Н.Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII-XVIII веках. – СПб.: Наука, 2005. – 368 с.

Амелин М.А. «Счастливейший поэт времен Екатерины» (Апология Василия Петрова) // Вопросы литературы. – 2001. – № 6. – С.243-250.

Амелин М.А. «Счастливейший поэт времен Екатерины». Апология Василия Петрова // Амелин М.А. Гнутая речь. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2011. – С.306-323.

Амелин М.А. Возвращение «вещего пиита» // Петров В.П. Выбор Максима Амалина. Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения. – М.: БСГ-Пресс, 2016. – С.5-22.

<Аноним> (М.Каченовский?). О сочинениях Петрова // Вестник Европы. – 1813. – № 24. – С.224-250.

Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Том 3. – М.: ОГИЗ, 1943. – 927 с.

Бицилли П. Пушкин и Вяземский // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет Ежегодник Софийского университета. 1939. Т. XXXV. Вып. 15. – С.1-50.

Бондаренко В.В. Вяземский. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 678 с.

Вьтжѣнс Г. П. А. Вяземский и русская литература XVIII в. // XVIII век: Сб. 7. – М.-Л.: Наука, Пушкинский дом, 1966. – С. 332-338.

Вяземский П. А. Письма П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву / П. А. Вяземский // Русский архив. – 1869. – № 4-5. – С. 627-655.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1. 1810 г. – 1827 г. Издание графа С. Д. Шереметева. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1878. – 355 с.

Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.

Вяземский П. А. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986. – 544 с.

Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813-1877. – М.: Захаров, 2003. – 960 с.

Гуковский Г. А. Петров // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. – 1947. – С. 353-363.

Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1969. – 392 с.

Гинзбург Л. Я. Вяземский // Вяземский П. А. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1936. – С. 5-40.

Гинзбург Л. Я. П. А. Вяземский // Вяземский П. А. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 5-50.

Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. – М.: Художественная литература, 1970. – 480 с.

Гуковский Г. А. Петров // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. – 1947. – С. 353-363.

Давыдов Д. В. Стихотворения. – М.: Советский писатель, 1984. – 240 с.

Дерюгина Л. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – С. 7-42.

Зорин А. Л. «Я пережил и многое и многих...» // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. – М.: Правда, 1988. – С. 5-24.

Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.

Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин: Очерк истории личных и творческих отношений. – М.: ИЧП «Филология», 1994 (1995). – 171 с.

Кочеткова Н. Д. Примечания // Поэты XVIII века / Вступ. ст. Г. П. Макогоненко; Биогр. справки И. З. Сермана; Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана; Подгот. текста и примеч. Н. Д. Кочетковой. Т. 1. – Л.: Советский писатель, 1972. – С. 565-613.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846 с.

Марков В. Ф. О свободе в поэзии. – СПб.: Издательство Чернышёва, 1994. – 368 с.

Митрофанова О. И. Своеобразие идиостиля П. А. Вяземского // Вестник ВГУ: Серия «Филология. Журналистика». – 2007. – № 2. – С. 75-82.

Некрасова Е.А. Идиостиль П.А. Вяземского // Бакина М.А., Некрасова Е.А. Эволюция поэтической речи XIX-XX вв. (Перифраза. Сравнение). – М.: Наука, 1986. – С. 90-112.

Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известиями и словесных преданий собрал Николай Новиков. – СПб.: [Тип. Акад. Наук], 1772. – 264 с.

Перельмутер В.Г. «Звезда разрозненной плеяды!..». Жизнь поэта Вяземского, прочитанная в его стихах и прозе, а также в записках и письмах его современников и друзей. – М.: Издательство «Книжный сад», 1993. – 368 с.

Петров В.П. Выбор Максима Амелина. Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения. / Вступит. статья М.Амелина. – М.: БСГ-Пресс, 2016. – 384 с., 8 с. ил.

Пильщиков И.А., Шапир М.И. Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина (Набросок концепции) // Шапир М.И. Статьи о Пушкине. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С.218-246.

Проскурин О.А. Эстетика Вяземского // Вопросы литературы. – 1986. – № 1. – С.265-271.

Пумпянский Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – [Вып.] 4/5. – С.109-112.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т.4. Поэмы. Сказки. – Л.: Наука, 1977. – 448 с.

Розанов И.Н. Кн. Вяземский и Пушкин. К вопросу о литературных влияниях // Беседы. Сборник Общества истории литературы в Москве. I.1. – М., 1915. – С.57-76.

Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. – М.: Худ. литература, 1970. – 295 с.

Семёнова Е. П.А. Вяземский: забытый поэт // Новый Берег. – 2009. – № 24. <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/24/se24.html>

Семёнова Е. П.А. Вяземский: забытый поэт // Новый Берег. – 2009. – № 25. <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/25/se26.html>

Скворцов А.Э. Петров Первый // Новый Мир. – 2017. – № 2. – С.203-208.

Соколова К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина // Проблемы пушкиноведения. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.А. Маймин. – Л.: , 1975. – С.67-86.

Фридендер Г.М. Поэтический диалог Пушкина с П.А.Вяземским // Пушкин. Исследования и материалы: Т. XI. / Отв. ред. В.Э. Вацура. – Л.: Наука, 1983. – С.163-173.

Шляпкин И. Василий Петрович Петров // Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов... Издается под редакцией С.А.Венгерова. Том I (Выпуск 1-6). С 23 портретами. XVIII век. Эпоха классицизма. – СПб.:Типо-литография А.Э.Винике, 1897. – С.354-362.

Юферев Л.А. «И дни мои чернее ночи...». Князь П. А. Вяземский: человек и его болезнь: Опыт патографии. – Киров, 2008. – 128 с.

Wjtrzens G. Pjotr Andreevic Vjazemskij. Studie zur russischen Literatur und Kulturgeschichte des neunzehnten Jahrhunderts. – Wien, 1961. – 333 s.